демократических, буржуазных свобод), а во-вторых, не усматривали при анализе вопросов общества и государства сколько-нибудь отчетливого различия между политической и социальной структурой общества, полагая, что склад социальной жизни общества определяется, в конечном счете (через посредство «нравов»), его политической организацией. Взгляды Гердера, как и воззрения Вико, явились в этом отношении значительным отклонением от основной линии тогдашней просветительной мысли, вследствие чего постановка им проблемы «литература и общество» приобрела значительно более масштабный и универсальный характер.

В течение почти двухсот лет немецкая буржуазная историография интерпретировала эстетические и историко-философские работы Гердера, как правило, крайне односторонне, сводя их пафос либо только к обоснованию и защите национального своеобразия развития культуры и литературы, либо к пропаганде отвлеченного гуманизма, основанного на вере в общечеловеческий прогресс как основное содержание истории мировой культуры. Между тем, как справедливо показали в последнее время ученые ГДР, а в СССР В. М. Жирмунский, Гердер был не только одним из величайших в XVIII в. поборников идей национальной самобытности (в их передовом понимании) и закономерного развития человеческой культуры, но и одним из наиболее чутких к социальным вопросам писателей и мыслителей своей эпохи.

Одна из основных, любимых идей Гердера, развитая им впервые еще на заре его деятельности, — идея исторических *возрастов* человечества, которую он противопоставил в равной мере как сторонникам учения о простом, прямолинейном прогрессе человечества по одной восходящей линии, так и скептически настроенным умам от Монтеня до Руссо, склонным из-за верно сознававшейся ими противоречивости общественного развития вообще усомниться в движении человечества вперед.

В противоположность как сторонникам идеи безостановочного, равномерного прямолинейного прогресса, так и скептикам, готовым не видеть в истории человечества восходящего движения, молодой Гердер выдвинул представление, что в истории нельзя не видеть «явного *поступательного движения и развития,* но в более возвышенном смысле, чем это представляли себе до сих пор».[11] Ни одна сколько-нибудь важная ступень истории человечества не может рассматриваться как простое преходящее средство для достижения следующей. Каждый момент исторического движения не только *средство,* но и *цель,* имеет свое идеальное средоточие в самом себе и должен измеряться историком адекватной ему внутренней мерой. Ибо человечество, как и отдельный человек, должно пройти через «разные возрасты», каждый из которых имеет свои неповторимые черты, свою индивидуаль-

[11] *Гердер И. Г.* Избр. соч. М.; Л., 1959, с. 279.